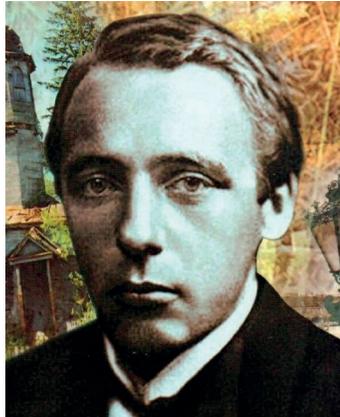

МЫСЛЬ, СЛОВО И ВРЕМЯ В ТВОРЕНИЯХ В. ХЛЕБНИКОВА

Свирел в свою свирель. Часть 1 Велимир

Если из числа поэтов-ученых, творящих будущее, искать одновременно наиболее оригинального, рационального и совестливого человека, то непременно попадешь на Виктора (Велимира, Велемира) Хлебникова. Он жил сто лет назад, но его поэтические и научные прозрения к концу XX века стали сбываться. Он предсказал ритмы истории, метабиоз природы и человека, хозяйственное применение беспилотников, появление Интернета, освоение космоса. Кажется, что он нашел ключ к будущему, смог заглянуть далеко вперед, сформулировал такие смыслы, которые актуальны и для нас, современников нового века. Это все делает чрезвычайно интересным данного персонажа русской истории для более тщательного изучения.

Первооткрыватель будущего

Мы, профессора, в те годы, как и нынешние педагоги, стремились общаться с нашими студентами не только на лекциях и экзаменах, а также вне стен университета... Иногда на эти интересные встречи приходил и Хлебников. И, удивительно, при его появлении все почему-то вставали. И совсем неостижимо, но я тоже вставал. А ведь я уже многие годы был профессором. А кем был он? Студентом второго курса, желторотым мальчишкой! Я до сих пор не понимаю, почему же я вставал все-таки вместе со всеми студентами? Это что-то такое, чему нет объяснений! [1]

А.В. Васильев, математик, профессор Казанского императорского университета.

Уникальный великий русский поэт и мыслитель, бунтарь и человек будущего, научно-поэтическая предтеча русских космистов и один из «председателей земного шара» Виктор Владимирович Хлебников (1885–1922) был и остается одной из самых загадочных фигур в творческом (научном и литературном) мире России. Поэт – по форме самовыражения, ученый – по методам мышления, первооткрыватель путей в лучшее будущее – по направленности созданных смыслов. Маяковский называл его «Лобачевским слова», «Колумбом новых поэтических материков, ныне заселенных и возделываемых нами». Друзья по поэтическому цеху расценивали его стихи как «вещи гениально-сумасшедшие» (М. Кузмин). А недруги и завистники называли его «кретином с проблесками гениальности» (Вл. Ходасевич). Его гениальность отмечалась многими, но каждый воспринимал ее по-своему.

В. Хлебников явно опередил свое время. Недаром О. Мандельштам сравнивал Хлебникова с «кротом, прорывшим в поэзии ходы с запасом на столетия», а Н. Асеев воспринимал поэта «как длинноногую задумчивую птицу, с его привычкой стоять на одной ноге (**в прошлом** – прим. авторов) и

его внимательным взглядом (**в настоящее** – прим. авторов), с его внезапными отлетами... и улетами во времена будущего». Своим поэтическим «Я» он был человеком вне времени и пространства. Его творчество было ориентировано не на «потребителей» – читателей его литературных опусов, а на «производителей» – тех, кто воспринимал его мысли и идеи для самостановления и дальнейшего творческого развития.

Его творчество до сих пор, спустя сто лет после смерти, вызывает много споров. После длительного периода забвения интерес к творчеству и личности Хлебникова растет: публикуются новые статьи и книги, пишутся диссертации, проводятся семинары и конференции. Однако все еще остается много вопросов. Был он великим поэтом или простым графоманом? Явил ли оригинальные идеи силой своей научной интуиции или занимался всю жизнь псевдонаукой? Был ли он деятельным человеком, несущим добро, или юродивым, который странствовал по жизни без особой цели и смысла?

Мы не обещаем ответить на все эти вопросы. Оставим эту работу историкам и литературоведам. Нам же интересно, проведя реконструкцию личности В. Хлебникова и проанализировав некоторые его тексты, понять, что нам – потомкам – хотел сказать поэт-ученый о жизни, о прошлом, о будущем, что из его истории и творчества нам нужно взять в наше настоящее, чтобы с новыми силами тянуть Вселенную в желаемое грядущее.

Начало XX-го века – это «мир на сломе»: скрепы русского общества – самодержавие, православие, народность – перестали быть таковыми, что продемонстрировала русско-японская война и Первая мировая война. Россия была «беременна» революцией. Страна землепашцев оказалась покрыта смогом заводов, фабричный «молох» перемальывал крестьянскую натуру россиян в приверженцев «золотого тельца». Ранние идеалистические течения великого русского искусства Серебряного века утратили свое благородное влияние на души людей, уступая место авангарду. Страна нуждалась в свежем видении

нового мира: не только мира заводов и фабрик, электрических станций и радио, скоростных авиалетов и электроплугов, но и мира нового по форме и сути искусства, мира всеобщей грамотности и новых научных идей. Молодость бунтовала и требовала перемен во всем: в политике, в делах общественных, в науках. А все перемены созревают вначале не в действиях, а в мыслях и словах образованных и творческих людей – «творян», по выражению Хлебникова.

Свое «творянство», которое сродни божественному всемогуществу, потому что оно базируется на единстве себя и мира, активном стремлении сделать мир лучше, поэт осознал еще в юношеские годы. В раннем своем стихотворении «Свирель» он выразил это состояние так:

*И я свирел в свою свирель,
и мир хотел в свою хотел.*

Мне послушные свивались звезды в плавный кружеток.

*Я свирел в свою свирель,
выполняя мира рок.*

(Здесь и далее стихи поэта цитируются по его книге [2]).

Противопоставление и единство себя и вещного мира, живущего по своим хотениям, «единокружеток» с послушными звездами превращает позицию наблюдателя за величию мира в позицию повелителя мира, действующего посредством творчества. Эта смена позиции впоследствии выражалась в использовании Хлебниковым разных псевдонимов – ВелИмир и ВелЕмир. Первое имя означало описание красоты и «величия сегодняшнего и будущего мира», а второе – «повелЕвающий миром» – управление межнациональным, планетарным миром, осуществляемое «председателями земного шара», к коим он относил и себя.

Октябрьскую революцию, которую Хлебников предсказывал в своих исторических ритмах именно в 1917 году, он

воспринимал как пролог онтологической революции, способной радикально изменить жизнь человека и человечества. Поэтическое воображение, научная интуиция, «заумное» восприятие мира подсказывали Велимиру Хлебникову ответы на мучившие все общество вопросы. Мы обязательно рассмотрим эти ответы, которые касаются не только будущего современников поэта, но и нашего будущего. Однако, чтобы их адекватно понимать, необходимо проследить траекторию становления личности Хлебникова, историю его приобщения к Красоте, Истине и Добру. Так вот, высшую ценность Красоты он нашел в творении живого языка, Истины – в познании числовых связей мира и времени, Добра – в проектах нового общественного устройства.

Творение языка

Мне удалось шепнуть ему несколько слов. Он кинулся в буфет. Через минуту на столе высилась гора бутербродов, заслонившая от нас наших визави: Хлебников скупил все бутерброды, бывшие на стойке, но не догадался оставить хоть немного денег на фрукты и на чай, не говоря уже о вине.

Осмелев за своим прикрытием, он наконец решил разомкнуть уста. Нехитрая механика занимательной болтовни была для него китайской грамотой. Верный самому себе и совсем иначе понимая свою задачу, он произнес монолог, в котором все слова были одного корня. Корнесловя, он славословил предмет своей любви, и это звучало приблизительно так:

О скал

Оскал

Скал он

Скалон.

Он не окончил своего речетворческого гимна, так как обе девушки прыснули со смеху. Хлебников был для них только полусумасшедшим чудачком [1].

Бенедикт Лившиц, русский поэт, переводчик, исследователь футуризма.

Язык – материя смысла, холст, на котором пишутся все его картины [3]. Он ведет автора, помогает или мешает ему выразить мысль, является каналом проникновения смыслов в сознание людей. Для производства качественно новых смыслов нужны новые языковые формы. Важность живого становления языка Велимир Хлебников прекрасно понимал: «Словотворчество – враг книжного окаменения языка и, опираясь на то, что в деревне около рек и лесов до сих пор язык творится, каждое мгновение создавая слова, которые то умирают, то получают право бессмертия, переносит это право в жизнь писем» [4].

Словотворчество как революция языка, особенно в начальный период, было первым основополагающим лейтмотивом деятельности Хлебникова. Причем, в отличие от символистов, его словотворчество базировалось не на вычурных нововведениях, наоборот, он старается использовать «допушкинский» народный язык, отличавшийся своей образностью и мудростью, простотой и афористичностью. Мифопоэтический язык Хлебникова выражал не просто гиперболизированность и лубочность русской старины, которые были свойственны древнерусскому искусству – в церковных фресках, в «скифской пластике» и «ужасных идолах», в «мрачных иконах» и заунывных молитвах, – а использовал словотворчество для более образного и сугубого отображения реальной картины мира и её глубинного смысла.

Этот подход позволял выразить сложные понятия науки или философии на народном языке. Например, геометрию он называл доломерией (измерение долов, расстояний), а но-

осферу (точнее, ее аналог, так как такой термин был введен позже) мыслезёмом (мысленной «твердью»). Хлебников ввел много новых слов, экспериментируя с языком: крылышковать (о движении живого организма посредством крыльев), зерцог (театр – от созерцать), облакини (одушевленные облака женского рода), лебедиво (подобно лебедю дивному), времери (перелетные птицы, которые обозначают своим прибытием и отбытием смену времени года). Тем самым он стремился к созданию заумного языка, т.е. языка, находящегося за пределами разума (как заречье – место, лежащее за рекой). Ему представлялось, что заумный язык в заклинаниях, заговорах господствует и вытесняет разумный, что у него особая власть над сознанием, особые права на жизнь наряду с разумным. И эта власть позволяет транслировать новые смыслы.

«Одна из тайн творчества, – писал В.Хлебников, – видеть перед собой тот народ, для которого пишешь, и находить словам место на осях жизни этого народа». Он писал не для гурманов «чистого искусства» [5], не на потребу «евроцентризма», а поднимая «азиатский пласт русской культуры», используя новые символы, вполне понятные народному мироощущению. Он учился у народного сказителя Афанасьева и у древних Боянов и ведунов богатству и могуществу словотворчества, широко используя в своих стихах и поэмах сказочные образы. Велимир Хлебников видит в них не просто древнюю народную мудрость бытия, но и сегодняшнюю потребность в поэтических образах умопостигаемого мира, которые и ныне заставляют нас поверить и в ковры-самолеты, и «в путешествия за три моря», и в Кашея Бессмертного, и в вечную молодость смельчаков, окунувшихся в кипящий чан с молодильным молоком.

*Огнивом-сечивом высек я мир,
И зыбку-улыбку к устам я поднес,
И куревом-маревом дол озарил,
И сладкую дымность о бывшем вознес.*

В результате словотворческих экспериментов поэт находит свой стиль, в котором он использует новые по форме, но по сути родные народным понятиям слова, которые, в силу искусственного ударения, придают фразам своеобразную мелодичность и образность, полнее раскрывая подлинную суть мысли автора. В своих произведениях он воздействует одновременно на сознательное и чувственное, подсознательное восприятие, прокладывая новые каналы передачи смысла.

*Немь лукает луком нѣмным
В закричальности зари.
Ночь роняет душам темным
Кличи старые «Гори!»...*

Говорят, что стихи должны быть понятны. Хлебников сравнивает «понятные» стихи с рекламными магазинными вывесками, тогда как народные заговоры, молитвы и песнопения произносятся на языках, непонятных для большинства слушателей, но от этого их понимание не только не страдает, но и полнее воспринимается слушателями. Так же и «заумные» стихи – суть особая форма внушения.

*Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры.
Пиээо пелись брови.
Лиэээй – пелся облик.
Ган – гэн – гээо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.*

Так слово заявляет о себе. «Чары слова, даже непонятного, остаются чарами и не утрачивают своего могущества» в устах поэта и в головах слушателей [6]. Но они позволяют быстрее найти контакт между ними.

Разумеется, Хлебников далек от мысли, что «заумь» – поэтическая самоцель. Словотворчество для него – особый вид поэтической иносказательности и новая форма передачи языка, образа и мысли. Он выбирает новые слова не ради их вычурности, а по принципу их более выразительного отношения к Красоте мира во всей её сложности и многогранности, открывшейся поэту.

*Взо-везя – зеленые деревья,
Нежеоти – темный ствол,
Мам-зами – это небо.
Пуче и чели – черный грач.
Лели и лили – снег черемух,
Заслоняющих винтовки.
Мивеаа – небеса.*

Хлебников был не столько писателем, фотографом этого мира, сколько желал участвовать в его становлении, поэтому он называл себя «становлянином». Слово для него является не только выражением и отражением самого предмета, «оно как бы самая действительность», носящая не столько формальный, сколько сутевой характер. Истинное поименование вещи и есть сама вещь. Искусство словотворчества открывает путь к творению нового мира:

*Я не знаю, Земля кружится или нет,
это зависит, уложится в строку слово...
Но я знаю, что хочу кипеть и хочу, чтобы солнце
и жилу моей руки соединила общая дрожь.
Хочу, чтобы луч звезды целовал луч моего глаза
как олень оленя (о, их прекрасные глаза!)
Но я хочу, чтобы, когда я трепещу,
общий трепет приобщился вселенной.*

Для современного читателя язык Хлебникова может показаться устаревшим. Некоторые его слова, впрочем, немногие, например «летчик» и «изнеможденный», вошли в оперативную память культуры. Однако, большая часть его словотворений ушла в небытие вместе с поэтом. Но не ушло главное – осознание важности живого становления языка, особенно в процессе больших социальных трансформаций. Кроме того, в поэзии остались наследники хлебниковского словотворчества – Генрих Сапгир, Геннадий Айги, Александр Кондратов, Сергей Бирюков.

Постулирование числовых связей мира

Однажды Осип Брик созвал у себя дома ученых-математиков, чтобы Хлебников прочел им доклад «О колебательных волнах 317-ти». Хлебников пытался по-новому взглянуть на связь между скоростью света и скоростями Земли (то есть скоростью вращения Земли вокруг Солнца и вокруг своей оси), корректируя тем самым классическую механику Ньютона. Эта связь, по Хлебникову, заслуживала названия «бумеранг в Ньютона». Переходя затем к судьбам отдельных людей, Хлебников доказывал, что жизнь Пушкина дает примеры таких колебательных волн через 317 дней. Например, свадьба Пушкина состоялась через 317 дней после помолвки с Гончаровой. Однако, как вспоминает присутствовавший на докладе Каменский, смелость хлебниковских уравнений в отношении закона души одного человека привела ученых в состояние опасного психомомента, и они ушли с несомненным бумерангом в головах. Ибо никак не могли связать уравнение опытных наук со свадьбой Пушкина. Только один профессор, надевая галоши, молвил: «А все-таки это гениально» [1].

В творчестве Хлебникова несколько раз, как он сам говорил, совершались перевороты «от слова к числу» и «от числа к слову». Интересно, что периоды «слова» связаны для поэта

с хандрой, усталостью, разочарованием, периоды же, когда он активно занимается исследованием числовых закономерностей, всегда ощущаются им как периоды творческого подъема.

Казалось, что Велимиру не хватало слов для того, чтобы выразить свое мироощущение. Он говорил: «Слова суть слышимые числа нашего бытия» [2]. Желая проникнуть в тайны мироздания, он искал знаковую систему, которая шире, чем язык, работающий только для существ, объединенных общей культурой. Цифровой язык, казалось, открывает новые горизонты.

Я всматриваюсь в вас, о числа...

Вы даруете единство

*между змеобразным движением хребта вселенной
и пляской коромысла.*

Вы позволяете понимать века как быстрого хохота зубы.

Мои сейчас вещеобразно разверзлись зеницы

узнать, что будет Я,

когда делимое его – единица.

Числа открывают новый тип мышления, в котором числовые образы – математические двойники мира вещей и процессов – создают интерфейсы для качественного нового уровня понимания, принятия решений, осуществления рациональных действий. Ещё в 1916 году в брошюре «Время мера мира» Хлебников сформулировал различие туманного словесного мышления и четкого числового:

*В словесном мышлении нет налицо основного условия измерения – постоянства измеряющей единицы, и софисты Протагор, Горгий – первые мужественные кормчие, указавшие опасности плавания по волнам слова. Каждое имя есть только приближенное измерение, сравнение нескольких величин, какие-то знаки равенства. Лейбниц с его восклицанием: «Настанет время, когда люди вместо оскорбительных споров будут вычислять» (воскликнут: *calculemus*), Навалис, Пифагор,*

Аменофис IV предвидели победу числа над словом, как приема мышления, над «воздушной» единицей Палаты весов и мер.

Велимир Хлебников в отличие от пифагорейцев не верил в самостоятельное существование числа. Он писал: «На самом деле существуют только два дерева, три камня и тому подобное, но не „два вообще“ и не „три вообще“. Числа суть абстракции, которые отражают только отношения между реальностями и вне этих реальностей не существуют. Нечто несуществующее не может характеризоваться каким-либо законом и не может выражать собою никакого закона. Когда математики говорят о свойствах тех или иных чисел и выводят якобы присущие им законы, они не отдают себе отчета в том, что такие законы не могут быть чем-либо иным, как отражением в абстракции числа реально существующих отношений и связей в бывающем» [7].

Материя различена внутри себя и существует в гигантском многообразии своих форм, их состояний и стадий развития. А в чем единство материального мира, о котором говорят ученые и философы, если он внутри себя столь многообразен? По мнению Хлебникова, оно во всеобщем единстве пронизывающих его связей и отражающих их чисел: «Но подлинно единым в таких связях может быть только то, что их единым образом сопрягает, то есть числа, которые и суть отношения внутри единого, внутри бывающего, и которые вне этого бывающего сами по себе не существуют, ибо количественные отношения присущи не числам, а только элементам различной внутри себя действительности, то есть звеньям и компонентам подлинной реальности» [7].

Прорыв к числам и закономерностям, которые они раскрывают, для Хлебникова стал прорывом к истинному знанию, способному заместить религиозную веру:

Вера в сверхмеру – бога сменится мерой как сверхверой.

Мир есть естественный ряд чисел и его тень.

Мера, победившая веру.

В этой связи становится объяснимыми представления Хлебникова о движении по линии эволюции, где за растением следует животное, за животным – человек, за человеком – число. Для него число становится новой составляющей реальности, ее действующим лицом. При этом он предупреждал об опасности простого замещения человеческого мышления цифровым, в результате которого люди окажутся лишенными конкретных представлений о вещах и событиях:

*Если кто сетку из чисел
Набросил на мир,
Разве он ум наш возвысил?
Нет, стал наш ум ещё более сир!*

Становление числового мышления в начале XX века сильно продвинуло науку, прежде всего, представления о пространстве-времени. Закономерно, что одновременно с этим бурление новых течений в искусстве также было связано с представлениями о пространственности. Нельзя сказать, что эти течения непосредственно зависели друг от друга, хотя многократно были попытки понять новое искусство в свете современной науки. У тех людей искусства, которые имели математическое или естественное образование, стимулирующее его воздействие несомненно. Режиссер Сергей Эйзенштейн, говоря о математичности кубизма, в качестве наглядного примера приводил испанского художника Хуана Гриси, которому математическое образование помогло лучше осознать кубистические принципы. Кубизм в этом отношении напоминает тот период в искусстве Возрождения, когда создатели перспективы в живописи были одновременно и профессиональными геометрами [8].

Хлебников был подготовлен к восприятию новых веяний и в науке, и в живописи, и в литературе, благодаря ознакомлению ещё в Казани, где он учился в университете, с неевклидовой геометрией Лобачевского. В нем Хлебников подчеркивает силу воображения, меняющую мир: «Лобачевский

захотел построить другой несуществующий вещественный мир, а Чебышев дал большую стройность не вещественному, но существующему уже миру чисел» [8]. Поэтому геометрия Лобачевского для поэта – знак освобождения, а Лобачевский сближается со Стенькой Разиным:

*Это Разина мятеж,
Долетев до неба Невского,
Увлекает и чертеж
И пространство Лобачевского.
Пусть Лобачевского кривые
Украсят города
Дугою над рабочей выей
Всемирного труда.*

Через неевклидову геометрию Хлебников пришел к проблематике времени. Он был знаком с геометрией Минковского, университетского учителя Эйнштейна, одного из создателей аппарата теории относительности. В одном из своих писем Матюшину в 1914 г. он упоминает «Ось Минковского» и поясняет, что она относится к пониманию Минковским пространства-времени как единого целого, имеющего четыре измерения (одна из четырех «осей» и соответствует времени). Именно этим представлениям, с которыми связано и введение далее ряда дополнительных измерений в математическую теорию вселенной, предстояло особенно бурное развитие на протяжении XX века. Но в начале века Хлебников констатировал, насколько мало изучено время:

Про время также можно сказать: там не ступала нога мыслящего существа. Если не каждый самый мощный поезд сдвинет с места все написанное человечеством о пространстве, то все написанное о времени легко подымет каждый голубь в письме, спрятанном под крылом [1].

И он стал заниматься временем. Поиски истин в числах, пространстве, времени, преломившись через его интерес к истории, а также через личностное переживание происходящих в мире событий привели Хлебникова к тому, что он сам считал вершиной своего творчества, к численным законам истории. Он их открыл на гранях науки, истории и поэзии, он «создал геометрию чисел, связав время и пространство с судьбой».

* * *

Хлебников в первой половине своей творческой жизни похож на молодого и подающего надежды мага, который за именем в нашей вселенной Хогвартса сам методом проб и ошибок нащупывает и открывает магические заклинания. Сначала он делает ставку на словотворчество и ожидает, что это даст ему силу над роком мира. Однако, Хлебников со временем приходит к выводу, что слова не позволяют даже достаточно точно описать мир, что уже говорить об управлении им. Главная тайна мира – его связи и отношения, определяющие единство в многообразии, – не поддается инструментам словесного мышления. Тогда Хлебников, интересующийся современными научными достижениями, переключается на магию вычислений. Он видит, как под напором числового мышления начинают открываться тайны микро- и макрокосмоса, пространства и даже времени. Почему бы числовому мышлению не открыть и тайны развития человечества, не помочь решить его проблемы?

Свирел в свою свирель. Часть 2 ВелЕмир

Если первая половина творческого пути Хлебникова проходила под знаком поиска адекватного языка для описания становящегося мира, то другую его половину он работал над открытием законов, которые им управляют. В этот период времени он часто называл себя ВелЕмиром («повелЕвающим миром»).

Открытие законов истории

Однажды он пришел ко мне (это было единственное его посещение моего дома) в три часа ночи, долго и безмолвно глядя на швейцара, который не хотел пускать в подъезд незнакомого человека довольно странного вида.

– Вы уже спали?

– Спал.

Длинная пауза. Хлебников смотрит в пространство своими невидящими глазами. Так смотрят слепые, у которых не закрыты глаза и нет бельма.

– Знаете ли вы, что Вадим означает по-индийски «туман»?
– Знаю.

Вторая пауза, еще более продолжительная, чем первая.

– Я думаю, что сегодня напишу поэму. Прощайте!

Резкий поворот – и Пума, как его звали друзья, быстро уходит. Дверь на парадное распахнута. Хлебников делает полный оборот и говорит в упор:

– Войны должны быть кратковременны и малочисленны. Должны драться на дротиках военачальники, а народ в это время должен готовить пир в честь победителя. Несогласных надо переселить с Земли на иную планету. Я подумую.

И с этими словами Хлебников исчез. Наутро по лицу швейцара я понял, что в этом доме я потерял всякий престиж. Оказывается, что Хлебников просидел около швейцарской часа два-три и рассказывал швейцару, как отличать счастливые цифры лет от несчастных [1].

Вадим Шершеневич, поэт, переводчик, один из основателей и главных теоретиков имажинизма.

«Первое решение искать законов времени явилось на другой день после Цусимы... Я хотел найти оправдание смертям» – писал Велемир Хлебников. Завершить эту свою работу ему удалось через 15 лет, в 1920 году. «Теперь, – пишет он, – так же легко предвидеть события, как считать до 3» [1].

Хлебников стал одним из первых «циклистов» XX века, создавшим учение о повторяемости природных явлений, важнейших событий в жизни стран и народов, о чередовании дат рождения выдающихся личностей и периодов существования государств, колоний и империй. Он утверждал, что «время основано на ритмах, а не ритмы – на времени», а также, что «не события управляют временами, но времена (...) событиями» [1].

В построениях Хлебникова было, по существу, одно основное допущение: цикличность исторического времени. Он по-

лагал, что события повторяются либо тождественным себе образом, либо так, что за определенным событием через правильный (предсказываемый некоторым уравнением) промежуток времени следует событие, ему противоположное (например, за поражением Франции в войне с Пруссией следует победа Франции).

Мой основной закон времени: во времени происходит отрицательный сдвиг через $3n$ дней и положительный через $2n$ дней; события, дух времени становится обратным через $3n$ дней и усиливает свои числа через $2n$ [1].

Хлебников перевел эти числа из количества дней в количество лет и получил загадочное число в 317 лет. «Если понимать все человечество как струну, то более настойчивое изучение дает время в 317 лет между двумя ударами струны» [1]. Это загадочное число является следствием основного закона созданной им исторической ритмологии. Кроме того, он выводит формулу для подсчета периода между знаковыми явлениями мировой истории, из которой делает выводы: через 365 лет происходит рождение подобных людей; через $(365 - 48)$, то есть через 317 лет возникают войны и другие земные катастрофы, а через $(365 + 48)$ лет рождаются новые государства.

И действительно, некоторые прогнозы на основе ритмологии Хлебникова удивительно точны. В частности, он предсказал разрушение российской империи в 1917 году. А его последователи установили времена других важнейших событий отечественной истории: 1929 г. – год «великого перелома» в промышленном развитии страны Советов, 1941 г. – начало Великой Отечественной Войны, 1953 г. – год смерти И. Сталина, 1989–1991гг – фактический и юридический развал СССР. Современные специалисты по его же формуле предсказывают, к примеру, знаковое событие в 2061 году, которое можно трактовать как переход от государственно-монополистического правления к цивилизационно-сетевой организации мирового сообщества [9].

Нумерологическая трактовка истории вызывает много споров, слишком вольная интерпретация числовых данных, выведенных из формул, подходящими историческими событиями оставляет большие сомнения относительно научности данного подхода. Математическая повторяемость событий, разумеется, не может быть сама по себе объяснением исторического процесса. За ней должны находиться некоторые объективные факторы. Например, за числовыми закономерностями волн спада и подъема в экономике, разработанными российским экономистом Н.Д. Кондратьевым, стоят сложно связанные процессы экономического и социального развития [9]. Он это показал на эмпирическом анализе большого числа экономических показателей стран Западной Европы и Америки за период с XVIII до начала XX века.

Интуиция Хлебникова подсказала ему, что надо искать разномасштабные ритмические процессы в природе. Предвосхищая более поздние открытия ученых, он говорил о «пульсации всех отдельностей мироздания».

Пульсируют солнца, пульсируют сообщества звезд, пульсируют атомы, их ядра и электронная оболочка, а также каждый входящий в нее электрон. Но такт пульсации нашей галактики так велик, что нет возможности его измерить. Никто не может обнаружить начало этого такта и быть свидетелем его конца. А такт пульсации электрона так мал, что никакими ныне существующими приборами не может быть измерен. Когда в итоге остроумного эксперимента этот такт будет обнаружен, кто-нибудь по ошибке припишет электрону волновую природу. Так возникнет теория лучей вещества [1].

Все случилось так, как предвидел Хлебников: через несколько лет, в 1923 г. Луи де Бройль пришел к выводу о волновой природе электрона, о дуализме частицы-волны. А в 1979 году ученые открыли пульсацию солнца, возможность определение которой имеющимися техническими средствами предугадывал поэт. Оказалось, что формулы Велемира Хлебникова,

по сути, означают 12-летние и 36-летние периоды, связанные с циклами солнечной активности и другими космическими циклами [9].

И вот уже эти пульсации, по мнению Хлебникова, могут лежать в основе законов времени. В частности, он, задолго до биофизика Александра Чижевского, был уверен во влиянии ритмов космических процессов на биологическую среду, на социальные процессы планеты Земля. Для него было очевидно, что нельзя говорить об единстве мира, о всеобщих отношениях и связях, и в то же время это влияние отрицать.

Вся история науки свидетельствует о том, что связи, о которых не подозревали или которые считались далекими, в последующем раскрывались как самые важные и определяющие, а те связи, которые выглядели близкими и непосредственными, оказывались либо частным случаем более общей закономерности, либо попросту несуществующими в действительности. До Ньютона никому не пришло в голову, что между падением различных предметов на пол или на землю и движением планет существует какая-либо связь. Всякого, кто решился бы утверждать что-либо подобное, сочли бы сумасшедшим [1].

Таким образом за законами времени Велемира Хлебникова стоят не только воображение художника, но и меткие научные интуиции. Ряд его мыслей нашел впоследствии научное подтверждение и развитие. В то же время не стоит строго судить по научным меркам поэта за его вычисления, формулы и выводы. Его надо судить за направленность мысли, за смысл, который он так много лет настойчиво формировал, и который за сотню лет можно считать достойным культурной канонизации. Этот смысл прекрасно выражен в его поэтических строках:

*Если я обращаю человечество в часы
И покажу, как стрелка столетия движется,
Неужели из нашей времен полосы
Не вылетит война, как ненужная ижица?*

Историческое сознание молодого Хлебникова пробудилось от потрясения Цусимы во время русско-японской войны. Он видел свою жизненную задачу в победе над войнами вообще, а путь к этому искал в нахождении закона их повторяемости в истории. Грандиозность задачи пробудила в нем пророческое самоощущение поэта, а некоторые успехи в ритмологии – проективное отношение к будущему.

Проект нового общественного устройства

Он собирался весь мир обратить в будетлянство и тут же предлагал прорыть канал меж Каспийским и Черным морями.

– Вообще... будетляне должны основать остров и оттуда диктовать условия... Мы будем соединяться с материком посредством аэропланов, как птицы. Станем прилетать весной и выводить разные идеи, а осенью улетать к себе.

Сверхреальный Давид Бурлюк наводил лорнет на нездешнего поэта и спрашивал:

– А чем же мы, Витя, станем питаться на этом острове? Хлебников буквально пятился:

– Чем? Плодами. Вообще мы можем быть охотниками, жить в раскинутых палатках и писать... Мы образуем воинственное племя.

Володя Бурлюк, делая за столом рисунки для книги, хохотал:

– И превратимся в людоедов. Нет, уж лучше давайте рыть каналы. Бери, Витя, лопату и айда без разговоров.

Тогда Хлебников терялся, что-то шевелил губами и потом заявлял:

– Мы должны изобрести такие машины... вообще... [1]

Василий Каменский, поэт-футурист, прозаик, художник, один из первых русских авиаторов.

В конце жизни по поводу открытых им «законов времени» Велемир Хлебников написал: «Когда будущее становится благодаря этим выкладкам прозрачным, теряется чувство времени, кажется, что стоишь неподвижно на палубе предвидения будущего. Чувство времени исчезает, и оно походит на поле впереди и поле сзади, становится своего рода пространством» [1]. В своих размышлениях, синтезировавших поэтическое воображение, передовые научные представления и интуиции, стремление к улучшению общества, он мог перемещаться во времени, как в пространстве. В этих своих «путешествиях во времени» он сформулировал основные подходы к созиданию будущего.

В отношении к природе Хлебников ввел понятие метабиоза, который в отличие от симбиоза указывает на отношения двух жизней, протекающих в одном и том же месте, но в последовательные промежутки времени. Это понятие позволяет учитывать сложную динамику живых систем.

Здесь может быть высказана смелая гипотеза, что сущность смены одних животных царств другими в разные времена жизни Земли также сводится к метабиозу. Метабиоз объединяет поколения кораллов внутри какого-нибудь атолла и поколения людей внутри народа [10].

В своих футурологических штудиях Хлебников, исходя из представлений о метабиозе, сокрушается, что человек «отнял поверхность земного шара у мудрой общины зверей и растений», в результате он «стал одинок». Он верит, что в будущем жизнь во всем ее многообразии получит права на место в преобразованной человеком биосфере планеты:

В отгороженном месте получали право жить, умирать и расти растения, птицы и черепахи. Было поставлено правило, что ни одно животное не должно исчезнуть. Лучшие врачи нашли, что глаза живых зверей излучают особые токи, целбно действующие на душевно расстроенных людей [11].

В то же время он разделял модернистское настроение времени, призывающее активно перестраивать природу под потребности человечества. Предвосхищая «Полдень XXII века» братьев Стругацких, он считал, что деревня станет «научной задругой», а земледелие будет вести «облачный пахарь», напоминающий передовые практики нашего времени по использованию робототехники и БПЛА в сельском хозяйстве:

Пахарь переселился в облака и сразу возделывал целые поля, земли всей задруги. Позднее неболеты пролетали как величественные лейки, спрятанные облаками, чтобы оросить пашню искусственным дождем и бросить оттуда целью потоки семян [11].

Метабиоз природы и человека – сложная динамическая сфера, где человек принимает на себя обязательство за целое, где он твердо идет «к общине не только людей, но и вообще живых существ земного шара» [11].

В отношении к общине людей (обществу) Хлебников проводил идею преодоления разобщенности стран, наций, классов, отдельных людей. Прежде всего, он предсказывал появление технологий, обеспечивающих информационное объединение человечества. Наверное, Хлебников – один из первых, кто описал нечто похожее на Интернет (он его называл «радио будущего»):

Радио будущего – главное дерево сознания – откроет ведение бесконечных задач и объединит человечество... Советы из простого обихода будут чередоваться со статьями граждан снеговых вершин человеческого духа... Мусоргский будущего дает всенародный вечер своего творчества, опираясь на приборы Радио... Даже запахи будут в будущем покорны воле Радио... Так Радио скует непрерывные звенья мировой души и сольет человечество [11].

Другая линия его размышлений о социальном относится к торгашеству и рыночной форме организации общества. Он

всегда критиковал дикость таких социальных отношений, метафорически сравнивал их со звериными законами, которые привели к тому, что счастьем для человека стал «печатный станок». Хлебников не был марксистом, но, как и многие люди искусства того времени, был пронизан бунтарством и революционным пафосом, в том числе направленном против мира капитала:

*И замки мирового торгова,
Где бедности сияют цепи,
С лицом злорадства и восторга
Ты обратишь однажды в пепел.*

Отношение к человеку выражено в текстах Хлебникова через призму счастья, а не свободы. Хотя тема свободы была для поэта важной. Он искал её в искусстве: «Странная ломка миров живописных была предтечею свободы, освобождением от цепей» [12]. Он искал ее в математике: «Полюбив выражения вида $\sqrt{-1}$, которые отвергали прошлое, мы обретаем свободу от вещей» [13]. Однако, его представление о свободе в будущем преломлено братской любовью по отношению к самым разным проявлениям мира:

Счастье людей – вторичный звук; оно вьется, обращается около основного звука мирового. Оно – слабый месяц около земель вокруг солнца, коровьих глаз нежного котенка, скребущего за ухом, весенней мать-мачехи, плеска волн моря [11].

Велемир Хлебников своим творчеством выражал сложный сплав научных интуиций, метафизических откровений, плодов художественного вдохновения. Очень упрощенно его проективное видение основ нового мира может быть сведено к планетарной ко-эволюции человека и природы, к преодолению капиталистической формы социальных отношений, к братской свободе, обеспечивающей возможности достижения целей не столько для одного человека, сколько для человеческого мира, человеческой Вселенной.

Это мировоззрение роднило Велемира Хлебникова с космистами. Он также, как и Константин Циолковский, задумывался о практическом освоении ближнего и дальнего космоса:

Не дело ли Человека Будущего это несовершенное детище природы взять в свои руки и молотом рабочего построить правильные отношения с соседними светилами, вероятно, тоже населенными, пусть и не людьми? [14]

Объединительные мотивы его творчества проявляются в различных проектах. Это и создание общего письменного языка – построение письменных знаков, понятных и приемлемых «для всей населенной человечеством звезды, затерянной в мире», и образование Соединенных Станов Азии – союза трудовых общин, и замена «наших государств научно построенным человечеством».

Для практической реализации своего видения будущего Велемир Хлебников в феврале 1916 года основывает «союз 317-ти», или, как поэт еще его называет, общество Председателей земного шара. Число $317 = 365 - 48$ известно нам по одной из главных формул числовой вселенной Хлебникова. Теперь оно становится числом Председателей земного шара. Хлебников был очень увлечен этой идеей: он надеялся привлечь в общество лучших людей со всей планеты и таким образом воздействовать на все правительства всех государств. Программу зарождающегося союза он сформулировал в декларации «Труба марсиан»:

Мы зовем в страну, где говорят деревья, где научные союзы, похожие на волны, где весенние войска любви, где время цветет как черемуха и двигает как поршень, где зачеловек в переднике плотника пилит времена на доски и как токарь обрабатывается со своим завтра.

В одном из своих пророческих творений – поэме «Ладомир» – Хлебников долго не мог выбрать финал. Первый вариант был таков: «Черти не мелом – своей кровью // Того, что будет,

чертежи». Хлебников отвергает этот вариант и окончательный финал поэмы звучит так: «Черти не мелом, а любовью // Того, что будет, чертежи». То, что в выборе «крови» и «любви» победило последнее, означает, что поэт нашел свой синтез в философской триаде «Красота, Истина и Добро», что в его видении будущего заложено здоровое, настоящее основание. К нему стоит присмотреться. Учитывая также то, что многие проектные идеи Хлебникова не потеряли своей актуальности, можно рассчитывать на то, что порожденные им смыслы еще будут играть важную роль в истории и нашей жизни.

Послание нам, будетлянам XXI века

В другой раз, уже после революции, речь зашла об одном военачальнике, у которого было два ордена Красного Знамени. «Таких во всей России, – рассказывал Крученых, – 20 человек». – «А вот таких, как я, на всю Россию только один имеется, – и то я молчу!» – шутя заметил Маяковский. «А таких, как я, и одного не сыщешь», – быстро ответил Хлебников. [1]

На многие годы Велемир Хлебников был забыт. Сейчас, кажется, что его стихи потеряли прелесть уникальной новизны, а прозаические тексты стали еще менее понятны. Его мысли и идеи ушли в илистый песок культуры. Казалось бы, зачем ворошить прошлое? У нас что, не хватает своих «юродивых» поэтов и ученых? Нет, надо ворошить. Пришло время актуализации русского культурного канона. Со столетней дистанции проще определить те смыслы, которые в нашей культуре должны получить особый статус – статус центра притяжения новой реальности. У Велемира Хлебникова есть важные ответы на вопросы современных будетлян, он всю жизнь искал \ прокладывал тропы в лучшее будущее, и некоторые из них, дополненные последними достижениями науки и техники, нам пригодятся.

Во-первых, необходимо обратить внимание на его поиски универсального языка. Словотворчество подтолкнуло его к число-творчеству. Он понял, что для обеспечения единства разных проявлений бытия необходим язык чисел. В отличие от языка слов, который понятен общающимся только в случае принадлежности к общей культуре, цифровой язык передает не сообщение, еще требующее специальной интерпретации для превращения в действие, а непосредственно самоисполняемый код действия. Сегодня с учетом современного уровня развития цифровых технологий такой код при помощи киберфизических посредников позволяет получать новые данные о состоянии объектов совершенно различной природы (растений, животных, экосистем, техно-инфраструктуры), реализовывать рациональные действия, формировать и транслировать другим участниками коммуникации свои целевые установки и намерения (подробнее об этом читайте в [9]). Такой универсальный язык не появится сам по себе, тем более он не превратится в способ формирования нового уровня связности и единства материи без творческого участия в его становлении всего человечества.

Во-вторых, важным вкладом Хлебникова в формирование научных основ будущего являются его законы времени, а точнее, лежащая в их основе ритмология. Все «отдельности» мироздания в силу проходящих в них энергетических процессов пульсируют, и эти пульсации оказывают влияние на планету, человечество, народы, отдельных людей. Эта интуиция поэта, нашедшая впоследствии некоторые подтверждения и развиваемая позже его последователями, очень ценна для осознания и практикования планетарности и космизма. В этом смысле сама ритмология гораздо ценнее, чем законы истории и построенные на их основе прогнозы, она станет рано или поздно концепцией, вокруг которой будет происходить синтез разобщенной на многие дисциплины науки.

Ну и третьим смыслом, который точно надо взять в работу с будущим, является объединение человечества. Хлебников рассматривал разные способы достижения такого объединения – появление радио будущего (прообраза Интернета), разрушение (преодоление) капиталистических отношений, создание Соединенных Станов Азии, учреждение общества Председателей земного шара и т.д. Что-то из его предсказаний реализовалось, что-то устарело. Однако, следует удерживать в этом контексте две мысли, которые надолго останутся актуальными. Хлебников ратовал за «осаду человечеством разумом тайн звездного мира... на пути к единой общине земного шара», т.е., на его взгляд, только выход человечества на космические просторы делает его единым, поскольку все проблемы отношений между людьми пасуют перед проблемами космического существования. Другая важная мысль, дополняющая первую, состоит в том, что счастье отдельных людей вторично относительно счастья, объемлющего весь наш мир.

Можно ли Велемира Хлебникова считать человеком науки? Очевидно, что он обладал знанием, относящимся к некоторым наукам, и энциклопедической широтой интересов, касавшихся всех видов духовной деятельности. В сочетании с поэтическим воображением и тонкой интуицией это дало возможность Хлебникову заглянуть далеко вперед и угадать многие направления развития, о которых собственно ученые в то время еще только начинали думать. Его можно было бы определить как романтика науки, угадавшего пути движения рационального постижения мира. Как поэт, обращенный к будущему, он в большой мере – утопист. Но его утопии рационалистичны, они вдохновлялись идеями современной науки [8].

К этому необходимо добавить, что Хлебников всю жизнь оставался подвижником Добра. Все его творческие силы были мобилизованы на то, чтобы избавиться от войн, преодолеть несправедливость, прийти к счастью мира.

* * *

Наказ Хлебникова нам, будущим XXI века состоит в том, что грядущее единение человечества, природы, космоса является следствием действия «слабого» человека, взявшего ответственность за целостность всего мира на себя. Отсюда «магическая» сверхсила человека, который, свиря в свою свирель, выполняет мира рок. Отсюда торжество бытия, в котором побеждено пространство и время, преодолена смерть.

*Когда умирают кони – дышат,
Когда умирают травы – сохнут,
Когда умирают солнца – они гаснут,
Когда умирают люди – поют песни.*

Кони, травы и солнца растворяются во Вселенной без остатка, не оставляя следа. Люди оставляют о себе память в песнях других людей. А когда умрут те, которые «поют песни» сейчас, о них споет следующее поколение. Пользуясь словарем хлебниковского верлибра: когда поют песни — люди не умирают [15].

Литература

1. Старкина С.В. Хлебников. – М: Молодая гвардия, 2009.
2. Хлебников В. Творения. – М: Советский писатель, 1987.
3. <https://politconservatism.ru/articles/k-vozbnovleniyu-smysla>
4. Кацнельсон С.Д. Язык поэзии и первобытно-образная речь. М.: Известия ОЛЯ АН СССР, т. VI. 1947.
5. https://ka2.ru/nauka/hardziev_5.html
6. <https://ka2.ru/nauka/nagibin.html>
7. <https://ka2.ru/hadisy/besedy.html>
8. https://ka2.ru/nauka/ivanov_2.html
9. На пути к космопланетарной цивилизации (под ред. Бушуева В.В., Клепача А.Н.) – М: ИД «Энергия», 2023.
10. https://ka2.ru/nauka/babkov_2.html
11. Хлебников В. Кол из будущего.
12. <https://ka2.ru/nauka/alph.html>
13. https://ka2.ru/nauka/nikitaev_1.html
14. Хлебников В. Открытие народного университета.
15. <https://arzas.academy/mag/351-hlebnikov>

Виталий Бушуев, Дмитрий Холкин

Авторы благодарят Д.И. Тимофеева, И.С. Чаусова за ценные замечания к тексту статьи